

РУССКАЯ АДМИНИСТРАТИВНАЯ ИСТОРИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ И НЕОФИЦИАЛЬНАЯ ПЕРЕПИСКА: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ¹

Д.А. Редин

Аннотация. Исходный посыл статьи – рассуждение о подходах к изучению истории власти и управления в России Нового времени, преимущественно XVII–первой трети XVIII в. Автор разделяет те тенденции в современной научной практике, которые нацеливают на исследования антропологической составляющей процесса администрирования, переносят фокус исследовательского интереса с изучения структур власти на феноменологические аспекты власти, с объяснения функционирования институций на понимание смыслов принятия властных решений и конструирования моделей власти. Такой подход требует поиска адекватных источников, пригодных для историко-антропологических интерпретаций данного сюжета. Большим информационным потенциалом в этом смысле обладает обширный круг источников, атрибутируемых в историко-филологической традиции как частная переписка (частная корреспонденция). Но при всей кажущейся ясности классификационных источниковедческих характеристик понятия «частная переписка», они, по мнению автора, не только не вполне корректно определяют место частной переписки в системе исторических источников раннего Нового времени, но и не в полной мере отражают ее содержательную и социально-коммуникативную составляющие. На основании ряда критериев, позволяющих примирить принципы различных классификационных систем с характеристикой этой разновидности источников и потребностями конкретно-исторических исследований, в статье предлагается уточненное представление о роли и месте этой переписки в исследовательской практике, разводятся понятия «частная переписка» и «личная переписка» и вводится генерализирующее для последних понятие «неофициальная переписка». Статья носит прикладной источниковедческий характер.

Ключевые слова: власть, управление, Новое время, Россия, источники личного происхождения, частная переписка, личная переписка, неформальная переписка, источниковедение.

Редин Дмитрий Алексеевич, доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, 620990, Россия, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, д. 16, volot@mail.ru.

¹ Статья выполнена в рамках комплексной программы фундаментальных исследований УрО РАН № 18-6-6-20 «Институциональные практики в государственном строительстве и социальная интеграция в России XVII–начала XX в.».

RUSSIAN ADMINISTRATIVE HISTORY OF MODERN TIMES AND UNOFFICIAL CORRESPONDENCE: SOURCE ANALYSIS

D.A. Redin

Abstract. The initial message of the article is a reflection of approaches to the study of the history of power and management in Russia of the Modern Age, mainly of the 17th–first third of the 18th century. The author follows the trends in modern scientific practice that aim at studying the anthropological component of the administration process, shift the focus of research interest from studying power structures to the phenomenological aspects of power, from explaining the functioning of institutions to understanding the meanings of making power decisions and designing power models. Such an approach requires the search for adequate sources suitable for historical and anthropological interpretations of this plot. A large information potential in this sense belongs to a wide range of sources attributed to the historical and philological tradition as private correspondence. But with all the apparent clarity of the classification source characteristics of the concept of “private correspondence”, they, according to the author, do not quite correctly determine the place of private correspondence in the system of primary sources of the Early Modern Time and do not fully reflect its informative and social-communicative component. Based on a number of criteria that allow reconciling the principles of various classification systems with the characteristics of this kind of sources and the needs of specific historical studies, the article proposes a refined idea of the role and place of this correspondence in research practice, the concepts of “private correspondence” and “personal correspondence” are separated and the concept of “informal correspondence” as a generalizing one for them is introduced. The article is of applied source study nature.

Keywords: power, management, Modern Age, Russia, sources of personal origin, private correspondence, personal correspondence, informal correspondence, source studies.

Ценность источника определяется темой и задачей исследования.

Л.Н. Пушкарев [Пушкарев, 1975, с. 264]

Традиционно историю управления рассматривают через изучение юридических норм и государственных структур. Такой подход представляется само собой разумеющимся: системы управления, являющиеся механизмами и инструментами реализации власти, как бы по своей природе созданы для институционального и структуралистского анализа. Недаром при описании управленческих практик авторы охотно пользуются такими образными определениями, как «машина власти», «аппарат власти/управления», «жернова власти» и т.п., в которых явно звучат мотивы скрежета и стука бездушного рационального механизма, *структурированной институциональности*. В современных исследованиях по истории и теории государства «технизм» власти перестает быть метафорой и предстает в качестве ее сущностного состояния. «Свойственные машинной технике монотонная повторяемость действий и их рассчитанность, — читаем в одной из новейших статей, — формировали качество императивности, которая была неотъемлемой составляющей любой власти, любого приказа: власть тем самым как бы освобождалась от эмоциональных и этических наслоений и оставалась в сфере чистой технологичности» [Исаев, Корнев, Липень, 2019, с. 591].

Но при этом власть имеет человеческое измерение, а потому может быть исследована в антропологическом ключе. Начнем с того, что «отношения властного доминирования пронизывают все сферы человеческой деятельности» [Бочаров, 2006, с. 5], а значит, присущи человеку как виду. Пресловутые административные механизмы, эти составные части властной машины, создаются и приводятся в действие людьми. Власть, полностью свободная «от эмоциональных и этических наслоений», если пока где-то и существовала, так только в оруэлловской Океании. Даже самые изощренные и всепроникающие тоталитарные модели власти никогда еще не достигали абсолютного контроля над управляемыми, парадоксальным образом порождая в среде управляющих многочисленные соблазны эмоционального, иррационального, несистемного поведения, стимулируя прорывы архаики, идущие в разрез с «рассчитанностью действий». Как показывает эмпирический материал, сказанное вполне справедливо и для европейских государств Нового времени, в том числе для России. Эволюция власти и преобразования системы управления, произошедшие в первой четверти XVIII столетия, при всем декларированном курсе на бюрократизацию, а значит — унификацию и рационализацию, нисколько не сняли с повестки дня различные неформальные практики и так называемые традиционные методы, присущие дореформенной поре. Это понимание позволяет принципиально по-новому подойти к изучению властно-управленческого феномена и в широком, и в конкретном (по месту и времени) смысле — через людей власти, или через призму исторической антропологии с ее сосредоточенностью на системном осмыслении разнообразных и многоуровневых поведенческих интеракций индивидов. При этом антропологически ориентированные подходы не только раскрывают историю людей власти, историю их идей и действий по реализации властных

полномочий, их политической воли, мотивации принятия решений, презентации себя в качестве носителей или представителей власти, влияния черт характера и человеческих слабостей на способы и стиль руководства, но помогают внести новое знание в наши представления о *функционировании властных институтов*, об особенностях их организации.

Разумеется, все сказанное приобретает практическое значение, если мы располагаем источниками, подходящими для историко-антропологических интерпретаций. Конечно, любой исторический источник содержит в себе антропологический потенциал, будучи результатом прямого или косвенного антропогенного воздействия, интеллектуальным продуктом человеческой деятельности и феноменом культуры [Медушевская, 2008, с. 68–146]. Но объем информации, заложенной в том или ином источнике, различен. Трудозатраты, связанные с ее извлечением, должны быть сопоставимы с полученным результатом — проблема эффективности универсальна для любого вида человеческой деятельности, в том числе и для исследовательской. Историк, ориентированному на антропологические исследования феномена власти в России раннего Нового времени, приходится тратить немалые усилия как для поиска подходящего материала, так и для разработки соответствующих методов его раскрытия. На это уходит много времени и сил, а результат оказывается не очень скорым, но приобретенное знание окупает издержки подготовительного этапа. В конечном итоге, такого рода студии, как представляется, дают очень полезные сведения, позволяющие понять многие особенности, определявшие содержание управленческого процесса изучаемой эпохи.

Сказанное имеет прямое отношение к источникам канцелярского, делопроизводственного происхождения Нового времени. Делопроизводство указанной эпохи, с его неустоявшимся формуляром, оставляло достаточно заметное пространство для неформализованной информации. В силу этого разнообразные разновидности канцелярской документации XVII–XVIII вв. позволяют находить в них много полезного для понимания «человеческого» измерения власти, хотя это полезное рассредоточено и фрагментарно.

В гораздо более концентрированном виде информация, поддающаяся историко-антропологическим интерпретациям, содержится в так называемой частной переписке. Последняя значительно расширяет возможности применения историко-антропологических подходов в изучении функционирования власти, поскольку, среди прочего, являлась «одним из важнейших средств управления — от государства до вотчины», «неотъемлемой частью в ведении разного рода дел» [Новохатко, 2018, с. 4], и вместе с тем в ней, «как ни в одном другом источнике, встает перед нами внутренний мир человека, его духовная жизнь, тесно связанная с окружающей действительностью» [Панкратова, 1969, с. 144].

Что же представляет из себя частная переписка с точки зрения жанровой принадлежности, источниковедческих классификаций и источникового потенциала? В отечественной историко-филологической традиции понятие частной переписки

принято считать устоявшимся¹. Но обращение к специальной литературе показывает, что полной ясности в этом вопросе нет. Прежде всего по-разному решается вопрос генезиса русской частной корреспонденции: от возведения ее истоков как самостоятельного жанра к началу русской письменности и распространения грамотности вообще (с апелляцией к корпусу новгородских берестяных грамот) до фиксации ее появления лишь в конце XV в., преимущественно в элитарных слоях населения. Солидарно относя частную переписку к источникам личного происхождения, авторы рознятся в принципах классификации самих источников личного происхождения, делая акцент либо на происхождении источников [Кодан, 2014, с. 60], либо на их социальной функции [Источниковедение, 2015, с. 348]; определяя их как вид [Русина, 2015, с. 175], разряд [Пушкарев, 1975, с. 256–257] или группу видов [Источниковедение, 2015, с. 348]. Понятие частной переписки (как составляющую более обширной категории источников личного происхождения²) отождествляют с категорией эпистолярных источников, практически исчерпывая последнюю первой.

В то же время в научных текстах можно встретить еще одно понятие, часто соседствующее с понятием частной переписки: «личная переписка». Оба используются как синонимичные, противопоставленные официальной делопроизводственной переписке. Грань, разделяющая частную/личную переписку от делопроизводственной, весьма тонка. О.В. Новохатко, автор ряда работ, посвященных изучению русского частного письма XVII в., справедливо указывает на то, что «в частной корреспонденции любой эпохи бывает трудно отделить собственно частную, личную переписку от деловой» [Новохатко, 2018, с. 5], ставя знак равенства между частной и личной перепиской. Таким же образом поступают и филологи, исследующие различные аспекты бытования и источниковедческих характеристик подобного рода текстов [Котков, 1963, с. 107–116; Самойлина, 1968; Гайнуллина, 2013, с. 258–272]³. Тем не менее, знакомство с русской частной корреспонденцией первой четверти XVIII в. позволяет мне предложить рассматривать ее в качестве родственной, но не тождественной личной и, таким образом, развести соответствующие понятия, что, как представляется, имеет источниковедческий смысл. На мой взгляд, русская частная переписка Нового времени занимает промежуточное место между личной и делопроизводственной. И если от последней она отличается не только, и даже не столько содержанием, но и формуляром (насколько о таком можно говорить применительно к этому виду источников и к этому историческому периоду), то различия с первой гораздо тоньше.

---

¹ «Термин *частная переписка* (курсив автора – Д.Р.) является вполне определенным и установленным» [Панкратова, 1969, с. 132].

² Оставляю за скобками рассуждения про эго-документы и соотношение этого понятия с понятием «источники личного происхождения» [см., например: Румянцева, 2014, с. 32–40].

³ Подробнее историографические аспекты издания и изучения русской частной переписки раннего Нового времени см.: [Новохатко, 2012, с. 246–263].

Чтобы понять эти различия, обращусь к уже цитировавшемуся новейшему исследованию по источниковедению русской частной переписки XVII в., предпринятому О.В. Новохатко. Определяя круг источников, ставших объектом внимания, автор подчеркивает, что в книге «упор делается на частную переписку в узком смысле слова, то есть личную, семейную и дружескую» [Новохатко, 2018, с. 9]. Что же тогда понимать (по умолчанию) под частной перепиской «в широком смысле слова»? Автор относит к ней: 1) переписку «должностных лиц по служебным, административным вопросам», не оформленную официально и проходящую не через официальные инстанции, а напрямую между контрагентами письма; 2) «переписку лиц, представлявших негосударственные административные структуры» – тоже, преимущественно, по вопросам делового характера; 3) переписку «известных государственных и церковных деятелей», в том числе имевшую публицистическую направленность; 4) переписку «разных лиц с представителями царской семьи» и 5) переписку членов царской семьи между собой. В итоге у историка получается следующее определение частной переписки XVII в.: к ней относится вся корреспонденция, не выходящая из государственных структур с соответствующим протокольным оформлением и не являющаяся государственными делопроизводственными документами [Новохатко, 2018, с. 7–9].

Конечно, в предложенной О.В. Новохатко систематике заметен ряд спорных моментов. Прежде всего это относится к критериям, на основе которых частная переписка вообще отделяется от «частной переписки в узком смысле»: главным критерием, позволяющим выделить две первые группы, определен *предмет переписки и характер подачи материала*, то есть ее содержание и оформление, а выделяющим третью, четвертую и пятую группы – *субъекты, или контрагенты переписки*. Из-за этого не понятно, чем переписка известных государственных и церковных деятелей принципиально отличается от неофициальной переписки должностных лиц, многие из которых без натяжки могут быть отнесены к известным государственным деятелям? Почему переписка членов царской семьи не может быть отнесена к «частной переписке в узком смысле слова» – ведь хрестоматийно известные письма, например, царя Алексея Михайловича к сестрам, или письма Петра I к супруге Екатерине Алексеевне как раз являют образец «личных, семейных и дружеских», то есть вполне подпадающих под предложенное автором определение «частной переписки в узком смысле слова».

Но не стану уподобляться педанту; в конце концов, как известно, любые источниковедческие классификации и систематизации страдают своими недостатками и не носят всеохватно-универсального характера. В рассуждениях О.В. Новохатко вольно или невольно оказалась поставлена проблема более тонкой внутренней градации совокупности письменных источников, традиционно относимых к частному письму, и пути определения этой градации. Последние действительно лежат в области *содержания текстов, статусных характеристик контрагентов письма и характера и каналов передачи информации*. Думается, перечисленные критерии продуктивны не только потому, что применимы к выработке более точных представлений о частном письме как таковом, но и потому, что непротиворечиво

соединяют в себе подходы, применяемые в различных источниковедческих классификациях. Эти критерии учитывают обстоятельства происхождения, формы, способа кодировки информации и социальной функции источника как интеллектуального продукта.

Определяясь с понятием частной переписки, мы в первую очередь (и совершенно справедливо) отмечаем ее неофициальный, неформальный характер. Это качество, позволяющее провести основной водораздел, ограничивающий частное/ неофициальное письмо от делового/официального¹. Частное письмо идет от индивида к индивиду, минуя государственные, публичные по своей сути, официальные структуры. Это сказывается в том числе и на структурировании текста. Если для официальной корреспонденции свойственно раннее и достаточно интенсивное развитие устойчивого и многосоставного формуляра, то в отношении частного письма применение понятия формуляра возможно с большой натяжкой². Основу структурирования текстов частной переписки определяют, скорее, этикетные нормы, или клише, не обладающие устойчивостью и сложностью формуляра, более простые по своему составу, подвижные и изменчивые, позволяющие гораздо более свободное изложение авторской мысли. Современники отличали подобного рода послания от официальной корреспонденции, что, как известно, отражалось в самоназваниях текстов: грамотка, письмо, писание (списаньице, писаньице), цидулка. Для XVIII в. наиболее частотным и стандартным становится наименование «письмо».

Дальнейшая градация, проводящая условную разделительную черту уже внутри частной переписки, проходит в сфере содержания письма и статуса его контрагентов. Если весь основной текст или его значительная часть посвящены вопросам служебного характера, а контрагенты переписки — лица, занимающие официальные позиции в государственных или негосударственных администрациях и органах самоуправления, то я склонен относить такое письмо к категории частного в самом тесном смысле этого слова. Если же основной текст или его значительная часть посвящены семейным, дружеским, бытовым сюжетам, то я бы характеризовал такое письмо как личное; статусные, точнее — формально-статусные характеристики контрагентов играют в таких ситуациях совершенно второстепенную роль. Контрагенты личной переписки — это носители, если можно так выразиться, первичных социальных характеристик: они родственники, друзья, приятели, люди, состоящие между собой в неформальных отношениях; их чин, должность, сословная принадлежность зачастую вторичны, хотя и не редуцированы полностью,

---

¹ При этом считаю важным подчеркнуть существенное, по крайней мере для практики Нового времени, влияние официальной корреспонденции на развитие частного письма, отмеченное в свое время С.М. Каштановым [Каштанов, 1963, с. 140–146]. Расширение и усложнение административного делопроизводства и социальные трансформации в составе правящей элиты России в XVII–XVIII вв. усилили эту тенденцию.

² По сути, к устойчивым формулярным формам частного письма могут быть отнесены только т.н. зачины и концовки [Панкратова, 1969, с. 134–135]. С XVIII в. к таковым можно отнести указания на место и дату написания письма.

поскольку определенная иерархическая дистанция всегда присуща человеческим сообществам и межлическим взаимоотношениям. Личные письма могут писать как члены правящей династии, представители высшей знати, так и выходцы из самых профанных слоев населения в любых парных комбинациях «адресант – адресат», ситуативно и этикетно допустимых в сложившихся обстоятельствах места и времени. Разумеется, сохранившийся архивный материал дает нам множество примеров, когда элементы личного и частного могут в разных пропорциях присутствовать в рамках одного письма. Но мы знаем и образцы «чистых» видов того и другого, когда имеем дело, например, с поздравлениями по разным поводам, выражениями дружбы и преданности, сообщениями о семейных событиях, каких-то личных приобретениях или потерях, составляющими основное содержание письма с одной стороны, и исключительно деловые, хотя и неофициальные письменные обращения друг к другу лиц, обладающих придворными, военными и гражданскими должностями, – с другой.

Смешанное содержание письма, затрудняющее его однозначное отнесение к категории личного или частного (в предложенной мною градации), может быть проинтерпретировано по принципу определения основной темы, основного побудительного мотива письменного обращения. Если к таковым относятся по преимуществу интимные и бытовые сюжеты, то даже при наличии некоторой деловой информации письмо может быть отнесено к личному. Если в нем преобладают служебные сюжеты, но оно носит неофициальный характер, то это частное письмо, даже если в нем содержатся какие-то личностные реплики и сведения.

Я осознаю, что предложенная мною система подразделения неофициальной корреспонденции на личную и частную тоже далека от совершенства. Тем не менее, представляется, что в данном случае недостаток категориальной точности дефиниций искупается контекстной ясностью – случай, не такой уж редкий в сфере гуманитарного знания, которое по свойствам главного объекта своего изучения лишена возможности создания математически идеальных определений. Предлагаемую классификационную модель можно наглядно представить в виде схемы, представленной на рис. 1.

Настаивая на том, что любая классификационная единица определяется системной совокупностью критериев, считаю нужным пояснить, что при определении каждой из них акцент, тем не менее, делался на каком-то одном из признаков, представляющимся наиболее характерным. Так, выделяя источники личного происхождения в качестве группы видов (или, пользуясь термином Л.Н. Пушкарева, разряда), я полагаю, что определяющим признаком здесь выступает, все-таки, происхождение источника. В видовой категории таковым будет способ кодировки информации, а в категории разновидности – социальные функции, хотя и первый, и второй, и третий признаки в своей совокупности присущи каждой из классификационных групп.

Смысл разграничения личной и частной переписки видится мне целесообразным в прикладном источниковедческом аспекте. История власти и управления,

Рис. 1. Классификационная модель неофициальной корреспонденции

интерпретируемая с позиций историко-антропологического подхода, находит крайне плодотворный и наиболее обширный материал именно в корпусе частной переписки, сохранившей в гораздо более концентрированном виде, чем делопроизводственная документация, следы живой связи между *людьми власти* и *структурами власти*. Личная же переписка в данном исследовательском ракурсе имеет иное значение. В частности, она может указать нам на сам факт наличия неформальных связей между должностными лицами — контрагентами переписки, показать (например, с помощью этикетных формул и степени интимности содержания передаваемой информации) глубину этих связей.

Основная социальная функция эпистолярного текста — установление межличностной коммуникации в коэкзистенциальном пространстве; в этом отношении остается только согласиться с М.Ф. Румянцевой [Источниковедение, 2015, с. 348–349]. Разделение неофициальной корреспонденции на личную и частную (при всей условности этого деления) позволяет детализировать и уточнить сам характер этой коммуникации во всем богатстве спектра промежуточных смыслов: от простого стремления установления и поддержания контакта (то, что вслед за Б. Малиновским О.В. Новохатко называет фатической функцией письма) до необходимости информационного обмена, имевшего инструментальное значение в принятии решений стратегического характера.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

Бочаров В.В. От составителя // Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии. В 2 тт. / Сост. и отв. ред. В.В. Бочаров. Т. 1: Власть в антропологическом дискурсе. СПб.: Изд-во СПб ун-та, 2006. 493 с.

Гайнуллина Н.И. Эволюционные процессы в структуре частного письма в конце XVII–начале XVIII в. // Acta Linguistica Petropolitana. Тр. Ин-та лингвистических исследований. 2013. Т. 9. № 2. С. 258–272.

Исаев И.А., Корнев А.В., Липень С.В. Эволюция властных технологий: начало // Quaestio Rossica. 2019. Т. 7. № 2. С. 589–598.

Источниковедение: учебное пособие / И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков и др.; отв. ред. М.Ф. Румянцева. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 685 с.

Каштанов С.М. Частное письмо 1536/37 гг. // Лингвистическое источниковедение. М., 1963. С. 140–146.

Кодан С.В. Источники личного происхождения: понятие, место и роль в изучении истории государственно-правовых явлений // Genesis: исторические исследования. 2014. № 3. С. 60–93.

Котков С.И. Русская частная переписка XVII–XVIII вв. как лингвистический источник // Вопросы языкознания. 1963. № 6. С. 107–116.

Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М.: Изд-во РГГУ, 2008. 361 с.

Новохатко О.В. Частная переписка XVII века (к постановке вопроса) // PALEOBUREAUCRATICA: Сб. статей к 90-летию Н.Ф. Демидовой. М.: Древлехранилище, 2012. С. 246–263.

Новохатко О.В. Россия. Частная переписка XVII века. М.: Памятники исторической мысли, 2018. 664 с.

Панкратова Н.И. Из истории частной переписки на Руси // Изучение русского языкового источниковедения. М.: Наука, 1969. С. 127–155.

Пушкарев Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М.: Наука, 1975. 282 с.

Румянцева М.Ф. Эго-история и эго-источники: соотношение понятий // История в эго-документах: Исследования и источники. Екатеринбург: Изд-во АСПУр, 2014. С. 32–40.

Русина Ю.А. Источниковедение новейшей истории России. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. 236 с.

Самойлина Н.Г. Устойчивые словосочетания в частной переписке XVII–начала XVIII в. (К вопросу о формировании устойчивых словосочетаний). Автореф. дис. ... канд. филолог. наук. М., 1969. 17 с.

REFERENCES

- Bocharov V.V. Ot sostavitelya [From the editor], in *Antropologiya vlasti. Khrestomatiya po politicheskoy antropologii* [Anthropology of power. Readings on political anthropology]. V 2 tt. / Sost. i otv. red. V.V. Bocharov. T. 1: Vlast'v antropologicheskom diskurse. SPb.: Izd-vo SPb un-ta, 2006. 493 p. (in Russian).
- Gajnullina N. I. Evolyutsionnye protsessy v strukture chastnogo pis'ma v kontse XVII–nachale XVIII v. [Evolutionary processes in the structure of private writing in the late XVII–early XVIII century], in *Acta Linguistica Petropolitana. Tr. In-ta lingvisticheskikh issledovaniy*. 2013. T. 9. № 2. Pp. 258–272 (in Russian).
- Isaev I.A., Kornev A.V., Lipen' S.V. Evolyutsiya vlastnykh tekhnologij: nachalo [Evolution of power technologies: the beginning], in *Quaestio Rossica*. 2019. T. 7. № 2. Pp. 589–598 (in Russian).
- Istochnikovedenie: uchebnoe posobie* [Source study: guide] / I.N. Danilevskij, D.A. Dobvol'skij, R.B. Kazakov i dr.; otv. red. M.F. Rumyantseva. M.: Izd. dom Vysšej shkoly ekonomiki, 2015. 685 p. (in Russian).
- Kashtanov S.M. Chastnoe pis'mo 1536/37 gg. [Private letter 1536/37], in *Lingvisticheskoe istochnikovedenie*. M., 1963. Pp. 140–146 (in Russian).
- Kodan S.V. Istochniki lichnogo proiskhozhdeniya: ponyatie, mesto i rol'v izuchenii istorii gosudarstvenno-pravovykh yavlenij [Sources of personal origin: the concept, place and role in the study of the history of state and legal phenomena], in *Genesis: istoricheskie issledovaniya*. 2014. № 3. Pp. 60–93 (in Russian).
- Kotkov S.I. Russkaya chastnaya perepiska XVII–XVIII vv. kak lingvisticheskij istochnik [Russian private correspondence of XVII–XVIII centuries as a linguistic source], in *Voprosy yazykoznanija*. 1963. № 6. Pp. 107–116 (in Russian).
- Medushevskaya O.M. *Teoriya i metodologiya kognitivnoj istorii* [Theory and methodology of cognitive history]. M.: Izd-vo RGGU, 2008. 361 p. (in Russian).
- Novokhatko O.V. Chastnaya perepiska XVII veka (k postanovke voprosa) [Private correspondence of the XVII century (to the question)], in *PALEOBUREAUCRATICA: Sb. statej k 90-letiyu N. F. Demidovoj* [Collection of articles on the 90th anniversary of N.F. Demidova]. M.: Drevlekhranilishhe, 2012. Pp. 246–263 (in Russian).
- Novokhatko O.V. *Rossiya. Chastnaya perepiska XVII veka* [Russia. Private correspondence of the seventeenth century]. M.: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2018. 664 p. (in Russian).
- Pankratova N.I. Iz istorii chastnoj perepiski na Rusi [From the history of private correspondence in Russia], in *Izuchenie russkogo yazykovogo istochnikovedeniya*. M., 1969. Pp. 127–155. Pp. 127–155 (in Russian).
- Pushkarev L.N. *Klassifikatsiya russkikh pis'mennykh istochnikov po otechestvennoj istorii* [Classification of Russian narrative sources on Russian history]. M.: Nauka, 1975. 272 p. (in Russian).
- Rumyantseva M.F. Ego-istoriya i ego-istochniki: sootnoshenie ponyatij [Ego-history and ego-sources: correlation of concepts], in *Istoriya v ego-dokumentakh: Issledovaniya i*

istochniki [History in ego-documents: Research and sources]. Ekaterinburg: Izd-vo AsPUr, 2014. Pp. 32–40 (in Russian).

Rusina Yu.A. *Istochnikovedenie novejshej istorii Rossii* [Source studies of the modern history of Russia]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2015. 236 p. (in Russian).

Samojlina N.G. *Ustojchivye slovosochetaniya v chastnoj perepiske XVII–nachala XVIII v. (K voprosu o formirovanii ustojchivykh slovosochetaniij)* [Stable phrases in private correspondence XVII–early XVIII century]. Avtoref. dis. ... kand. filolog. nauk. M., 1968. 17 p. (in Russian).